

СУДЬБЫ репрессивных в годы культа личности людей всегда волновали меня и не раз побуждали братья за перо. И вот, когда недавно довелось рассказать читателям о том, как В. М. Вольфович узнал о трагической смерти своего отца и нашел его могилу, произошла одна встреча.

На другой день пришла в редакцию женщина, Зоя Петровна Бажукова. Она держала в руках номер газеты с моей статьей и, стараясь сдерживать волнение, начала рассказывать историю жизни своей бабушки, Лидии Васильевны Бажуковой.

Вторая волна реабилитации жертв репрессивных вспыхнула в душах живущих воспоминания, но не избавила от опасений, от настороженности. Потому что отголоски давнего несправедливого дела уже отражались на судьбах потомков. А вдруг все будет по-старому, вдруг им еще раз придется держать ответ за свою погибшую прародительницу? Может, лучше не напоминать о себе?

Но вместе с Зоей Петровной мы решаемся и звоним в комитет госбезопасности. Проходит какое-то время, и все родные (приглашена и я) собираются в комнате теперь нестрашного учреждения, и им вручают серую казенную папку Дело № 6878.

ЗАБРАЛИ Лидию Васильевну 8 августа 1937 года. Ордер выписан 5 августа, арест произволил Мурыгин А. Д. в присутствии понятых Селянина П. Т., Аристова И. Д., Аристова К. В. А случилось все это в Нижнем Селе.

Лидия Васильевна и сын ее приемный, Коля, были на покосе. Поворочали кошенину, но не успели сделать все. Хотели было остаться ночевать, да ведь козу надо доить, кормить телку. В полночь раздался стук в окно. Лидия Васильевна сразу догадалась, заплакала, и Коля заплакал, обнял ее. В ту же ночь взяли сельского священника.

Отправился Коля пешком туда, куда повезли мать, тут же идет жена священника, а впереди — Пьянкова Клавдия Ивановна. По тому же адресу и по тому же делу...

Итак, 12 августа. Допрос и очную ставку ведет начальник Шалинского райотдела НКВД Булатов (Нижнее Село относилось к Шалинскому району). Отвечает Клавдия Ивановна

Пьянкова, колхозница, член сельсовета, из середняков, грамотная.

— Что вам известно о контрреволюционной деятельности Бажуковой Лидии Васильевны?

— Она авторитетна среди верующих и считается богородицей К советской власти относится враждебно. Когда мы втроем из-

Между рамами летела бабочка, Лидия Васильевна сказала: «Вот так же и мне отсюда не выбраться» (слова эти помнил он до своей смерти).

В это время вошел милиционер и выгнал парня.

8 октября, ровно в полночь, Лидию Васильевну расстреляли.

* Дело № 6878

СУДЬБА ЗЕМНАЯ

яли у Бажуковой телку, она сказала: «грабите нас, хватаете, не все так будет, дождемся перемены власти — свое возьмем». Госплантежи выплачивает под нажимом, а имущество ее продано по решению суда. Колхозы она называет поганцами...

Двумя днями раньше младший лейтенант госбезопасности Булатов допрашивал Игнатия Дмитриевича Аристова, из бедняков, колхозника, беспартийного, который воевал и за белых (недолго), и за красных, поэтому, естественно, опасается за свою судьбу. Путь буквы, Булатов с теми же заданными фразами записывает показания. Чего тут сомневаться? Ведь окна у Бажуковой вечно занавешены. Собираются люди, молятся, читают Евангелие, не льют, не курят, называют друг друга «братья и сестры». Поют стишки на поминках и в престольные праздники. Бабка — руководитель молочанской секты. «Изъята божественная литература и переписка (это у неграмотных-то!)». Запретила Аристовой общаться с колхозниками, посоветовала лучше молиться. В колхоз вступать отказалась, мол, это очаг антихриста и вступать в него грех, поэтому бог и наказывает недородами и голодом. Из-за ее агитации люди в колхоз не идут...

Начальник Булатова Шиваров одобрил сделанное подчиненным за неделю; дело передали на рассмотрение «тройки». Уже 16 сентября был вынесен приговор.

...До этого времени Коля еще встретился с матерью. Он вошел в здание, одна дверь была приоткрыта, и они сразу увидели друг друга.

— Вот я тебе хлрбушка принес...

ВЕРНЕМСЯ на несколько лет назад. В 1932 году хозяйство Афанасия Ивановича и Лидии Васильевны Бажуковых было подведено «под твердое задание за эксплуатацию чужого труда». Хозяева они были крепкие, работающие, до революции имели 2 лошади, 2 коровы, 4 овцы, 5 десятин земли, дом, то есть относились к середнякам. Но после завидующих глаза причислили их к кулакам, позарились нажитое семей инвалда-сторюжа, где выросло трое детей — Петр, Лиза и приемный сын Николай Хохлов (помните — «чужой труд!»). Афанасий Иванович и сын его Петр (отец Зои Петровны) в разное время были отправлены в ссылку. Петр потом сбежал из ссылки, воевал, пропал без вести в 42-м. А в 43-м вшел на фронт его сын, Анатолий Петрович.

По нескольким десяткам человек в день выселяли из большого тогда Нижнего Села Выгнали Бажуковых из дома с фикусом, под железной крышей в центре села, люди добрые пустили в гнилушку, чтобы не замерзли. Нищенствовать начнут — будет им наука. А то больно гордились: мы, мол, уже нарабатываемся, с поля возвращаемся, а гольтыба только собирается на работу.

После жили Бажуковы за рекой. За Чусовой? Да, оказывается, занимало село оба берега. За рекой вторая улица была. Называли ее — деревня Шубина. Первый поселившийся здесь человек мал был, как вержка-шубенка. Вот и образовалось название от этого слова.

Посидели мы с Бажуковыми, представляющими три поколения семьи. Анатолий Петрович, кавалер трех орденов (в том числе

Славы) и многих медалей, рассказал, как встретился он на фронте с Николаем. Как раз войне близился конец, и дядя с племянником повстречались на концерте Лидии Руслановой, приехавшей на фронт. Оказалось, воевали в соседних батальонах.

Женщины вспоминали: в селе к ним долго относились как к врагам народа. Учительница Саши (брат Анатолия) ненавидела семью, и мальчик сильно переживал, друзей у него не было.

А вообще это достойная семья, отдавшая лучшие годы своему городу и, в частности, Новотрубному заводу. Правнучка репрессивной крестьянки, Любовь Викторовна, преподает литературу во второй школе. Четвертого августа 1993 года в действиях ее бабушки констатируется «отсутствие состава преступления».

Нет больше в Нижнем Селе священника, здоровающегося с девчонками, бегущими из школы, и благословляющего детей. Разваливается чудо-церковка, весело взбравшаяся на взгорки над Чусовой; и сколько ни пиши об этом памятнике архитектуры — не докричишься ни до кого. Никому ничего не надо.

ПОСТРАДАТЬ за веру, как видите, можно и не на костре инквизиции, а в тихом с виду Нижнем Селе Обобранный, униженный человек, у которого рухнет его мироздание, — разве может он с песнями следовать за теми, кто унизил и обобрал его, разрушил его дом и семью ради своей идеи? Пожилая крестьянка искала опору своим нравственным принципам в вере, в ней замкнула душу, пыталась сохранить достоинство. За это Лидию Васильевну Бажукову расстреляли.

Теперь ее потомки ищут ее могилу, чтобы прийти к ней и чтобы душа ее, наконец, успокоилась.

Царство ей небесное
А. КИПРИЯНОВА.

ПОСЛЕСЛОВИЕ Когда эта статья была готова к печати, стало известно, что останки Лидии Васильевны покоятся там же, где останки всех расстрелянных, — неподалеку от Екатеринбурга, на двенадцатом километре. Родные получили документ об этом и готовятся поехать туда. На столе какого-нибудь дерева появится еще одна табличка с именем невинно пострадавшего человека.